

*А.А. Тишкин, С.С. Матренин***Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае***A.A. Tishkin, S.S. Matrenin***Belt Plates of Xianbei-Zhuzhan Time from Burial Stepushka-I in the Central Altai**

Публикуются результаты морфологического описания, классификации и типологии поясных блях из могильника Степушка-I. Выделено 13 типов изделий и определена их относительная датировка. Большинство типов датируются II–V вв. н.э. Рассмотренным гарнитурам найдено значительное количество аналогий в Восточном Забайкалье и Туве. Бляхи типа 8 являются хроноиндикатором IV–V вв. н.э. Изученные материалы будут использоваться для уточнения периодизации булан-кобинской культуры.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, поясные бляхи, поясная гарнитура, морфология, классификация, типология, хронология, хунну, сяньби.

The results of morphological researching, classification and typology of belt plates from burial ground Stepushka-I are published in the article. The authors have differentiated the collection of artifacts which may be divided into 13 types and they have identified their relative dating. Most types of metal belt plates have been correlated with the IIth–Vth centuries AD. Similar samples have been founded in the territory of the Eastern Trans-Baikal region and at Tuva. The belt plates of type 8 are the one of the chronological indicators which is correlated with IVth–Vth centuries AD. Studied archaeological materials will be used to refine the dividing Bulan-Koby culture into periods.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, metal belt plates, tips straps, morphology, classification, typology, chronology, Xiongnu, Xianbei.

Поясные бляхи являются отдельной категорией ременных гарнитур кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. — V в. н.э.). Они представляют собой пластины декоративного или декоративно-функционального назначения, фиксирующиеся определенным способом к кожаному ремню. В количественном отношении это самые многочисленные и разнообразные предметы, входящие в состав наборных поясов. Обширная коллекция поясных блях, полученных из раскопок погребальных памятников данного региона II в. до н.э. — V в. н.э., еще не получила глубокого осмысления среди археологов. Так, в диссертации Ю. Т. Мамадакова [1], выделившего булан-кобинскую культуру Алтая, поясные бляхи вообще не упоминаются, притом, что в проанализированных этим ученым материалах некрополей Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II и Улита они составляют многочисленную серию хорошо идентифицируемых изделий. В известной монографии В. Н. Добжанского «Наборные пояса кочевников Азии» приведены только схематичные графические реконструкции двух поясов из могильников Балыктыюль (курган 227) и Кок-Паш (курган 39) [2, табл. XVII.-1; XIX.-1]. Опыт исследования поясов кочевников Восточного Алтая предтюркского времени в работах А. С. Васютина сводится к обобщенному описанию находок ременных

гарнитур без классификации и типологии [3; 4, с. 25–27, рис. 40]. Среди последних работ по указанной тематике можно назвать публикацию А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова «Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период», где продемонстрированы некоторые разновидности поясных блях из погребального комплекса Улуг-Чолтух-1 [5].

Учитывая слабую изученность данной категории артефактов с территории Алтая, авторы считают важным ввести в научный оборот результаты изучения поясных блях из могильника Степушка-I, раскопанного в 2010 г. в окрестностях одноименного села в Онгудайском районе Республики Алтай [6]. Обнаруженные ременные гарнитуры имеют относительно хорошую сохранность, что делает их перспективными для классификации, типологии и осуществления реконструкций наборных поясов с опорой на зафиксированные «in situ» детали. Пояса с бляхами найдены в пяти мужских (курганы 5, 9, 13, 15, 17, 19) и двух детских (курганы 6, 21) погребениях некрополя. Предлагаемая статья является продолжением комплексного исследования снаряжения человека и верхового коня кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени [7–10].

Морфологическое описание и классификация. Перед тем как приступить к изучению веществен-

ных источников, необходимо представить общие параметры их морфологического описания. В конструкции предметов нами последовательно рассматривались такие составные части, как *корпус* (основа бляхи, состоящая из одной или двух пластин, выполненных из металла или органических материалов), *крепежные элементы* в виде шпеньков-заклепок (металлические стерженьки, вставляемые в сквозные отверстия в корпусе бляхи либо целно изготовленные с пластиной, загибающиеся на тыльной стороне ремня, имеющие в некоторых случаях фигурные шляпки), петель на тыльной поверхности блях, отверстий для пришивания к ремню, а также *дополнительные конструктивные детали*, к которым относятся кольца (цельные или отдельно изготовленные петли, присоединяющиеся к корпусу блях), скобы («п-образные» подвесы, присоединяющиеся к бляхе с помощью шпеньков), декоративные прорезы. Для итоговой классификации использовалось 342 экз. поясных блях хорошей и удовлетворительной сохранности. При систематизации данных предметов применялась древовидная схема структурирования признаков со следующим наполнением таксонов: группа — материал изготовления, разряд — способ крепления блях к ремню, раздел — конструкция корпуса блях, отдел — отсутствие или наличие у блях одного или нескольких колец, скоб, прорезей, подотдел — особенности соединения блях с кольцами и скобами, тип — форма лицевой части корпуса блях, вариант — размеры изделий.

В результате сочетания обозначенных показателей было выделено две группы, два разряда, два раздела, два отдела, три подотдела, 13 типов поясных блях булан-кобинской культуры, дополненных 13 вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Бляхи-накладки, закрепляющиеся на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел I. Без прорезей и колец.

Тип 1. Прямоугольные. *Вариант а* — малые. 4 экз. из кургана 13. Размеры изделий 3–3,7х1,3–2 см. На поясе они крепятся в горизонтальном положении (рис. 1.-1–4).

Тип 2. Вытянуто-прямоугольные. Абрис бляхи представляет собой сильно вытянутую четырехугольную фигуру небольшой ширины. *Вариант а* — малые. Все 11 экз. происходят из кургана 13. Размеры изделий 4–5,2х0,9–1,1 см. Крепятся в горизонтальном положении (рис. 1.-7–12).

Тип 3. Трапециевидные. *Вариант а* — средние. 1 экз. из кургана 13 длиной 4,6 см, шириной 2–2,3 см, фиксирующийся на поясе горизонтально (рис. 1.-5).

Тип 4. Шестиугольные. *Вариант а* — средние. 1 экз. из кургана 13 длиной 4,8 см, шириной 3,5 см.

На поясе он фиксируется в горизонтальной проекции (рис. 1.-6).

Отдел II. С кольцом. *Подотдел а* — неподвижное кольцо на короткой стороне пластины. Пластина и кольцо выкованы из одной заготовки.

Тип 5. Прямоугольные. *Вариант а* — малые. 2 экз. из курганов 6, 19. Общая длина изделий с кольцом составляет 2,3–3,6 см. Размеры пластины 1–1,1х0,9–1 см. На поясе они фиксируются в вертикальной проекции (рис. 1.-13).

Раздел II. Пластина сложена пополам в полуобойму.

Отдел II. С кольцом. *Подотдел б* — подвижное кольцо на короткой стороне пластины. Пластина охватывает кольцо в месте своего перегиба.

Тип 6. Прямоугольные. *Вариант а* — малые. Всего 28 экз. из курганов 5 (3 экз.), 6 (2 экз.), 17 (13 экз.), 19 (7 экз.), 21 (3 экз.). Размеры изделий составляют 2,3–3,1х0,9–1,3 см. На ремне они фиксируются в вертикальном положении (рис. 1.-14–17; 2.-1, 2).

Тип 7. Прямоугольно-овальные. В отличие от предыдущего типа имеют изогнутую верхнюю сторону. *Вариант а* — малые. Всего 10 экз. из курганов 6 (4 экз.), 9 (3 экз.), 15 (3 экз.). Размеры изделий составляют 2,3–3,1х0,9–1,3 см. Фиксируются в вертикальном положении (рис. 1.-18–22).

Разряд II. Бляхи-зажимы. Фиксируются на ремне без шпеньков за счет плотного прижатия лицевой и тыльной частей корпуса.

Раздел III. Пластина имеет сильно загнутые на тыльную поверхность короткие (верхние и нижние) стороны, благодаря чему корпус бляхи напоминает собой скобу.

Отдел I. Без прорезей и колец.

Тип 8. Вытянуто-прямоугольные. *Вариант а* — малые. Идентифицирован 281 экз. от трех поясов из курганов 17 (53 экз.), 19 (167 экз.), 21 (60 экз.). Длина блях составляет 2–2,5 см, ширина — 0,3–0,4 см. На ремне они крепятся строго по вертикали (рис. 2.-1–8).

Группа II. Бронзовые.

Разряд I. Бляхи-накладки.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел I. Без прорезей и колец.

Тип 9. Прямоугольные. *Вариант а* — малые. 1 экз. из кургана 13 размерами 3,3х1,7 см. Положение на ремне — по вертикали (рис. 2.-9).

Тип 10. Вытянуто-прямоугольные. *Вариант а* — малые. 1 экз. из кургана 13 длиной 5,2 см, шириной 0,9 см. Фиксируется на ремне в горизонтальном положении (рис. 2.-10).

Тип 11. Вытянуто-овальные. *Вариант а* — малые. 1 экз. из кургана 13 имеет размеры 3,6х0,8–1,3 см. Фиксируется в горизонтальном положении (рис. 2.-11).

Отдел II. С кольцом. *Подотдел а* — неподвижное кольцо на короткой стороне пластины.

Рис. 1. Поясные бляхи из могильника Степушка-I: 1–12 — курган 13; 13 — курган 19; 14, 17, 18 — курган 17; 15 — курган 21; 19–21 — курган 6; 22 — курган 15

Тип 12. «Секировидные». *Вариант а* — малые. 1 экз. из кургана 13. Общая длина изделия составляет 4,1 см, из которых 1,5 см приходится на кольцо. На поясе фиксируется в вертикальном положении (рис. 2.-12).

Раздел II. Пластина сложена пополам в полуобойму. Отдел I. Без прорезей и колец.

Тип 13. Вытянуто-прямоугольные. *Вариант а* — малые. 1 экз. из кургана 13 размерами 3,4x0,8 см, прикрепляющийся к ремню в вертикальном положении (рис. 2.-13).

Типология. Поясные бляхи как отдельная категория предметного комплекса впервые появляются

на Алтае в аржано-майэмирское время (конец IX — середина VI в. до н.э.), что отражает начальный этап развития этих ременных гарнитур у населения Евразии в раннем железном веке. В дальнейшем они известны у многих кочевых народов данного региона вплоть до позднего Средневековья и обладают специфическим обликом в рамках культурно-хронологических комплексов скифо-сакского, хуннуско-сяньбийско-жужанского, тюркского, кыргызского, монгольского времени. У населения Алтая в сяньбийское время (II — первая половина IV в. н.э.) количественно доминировали поясные бляхи, сделанные из железа (группа I). Имеющиеся

на сегодняшний день археологические источники дают основания считать, что среди кочевников Центрально-Азиатского региона железные поясные бляхи впервые стали широко использовать хунну Монголии и Забайкалья около рубежа эр [11, табл. XIII.-1, 2, 3, 4, 5; 12, рис. 45.-2, 4; 13, табл. 5.-15; 14, рис. 8.-22, 16, 17, 18, 24, 25; 10.-14; 13.-5; 17.-15; 15, с. 302; 16, рис. 8; 17, зураг. 9.-1; 18, зураг. 8]. Генезис железных поясных блях у хунну стал возможен благодаря высокому уровню развития черной металлургии и был подготовлен практикой широкого производства железных пряжек. Применение нового материала привело к существенным изменениям морфологии данной категории ремных гар-

нитур, которые коснулись конструкции корпуса, способов крепления, приемов декорирования. Массовый переход к железу в производстве поясных блях относится к концу I-II вв. н.э. С этого времени такие изделия наиболее широко встречается у сянби Юго-Восточного Забайкалья и Маньчжурии [19, рис. 96.-5, 100, 101, 102, 103; 20, рис. V.-4]. Накопленный к настоящему моменту корпус вещественных материалов позволяет сделать вывод, что у кочевников Алтая железные поясные бляхи появляются в раннесянбийское время (условно со II в. н.э.) и широко применяются до распространения ранних тюркских комплексов второй половины V — первой половины VI в. н.э.

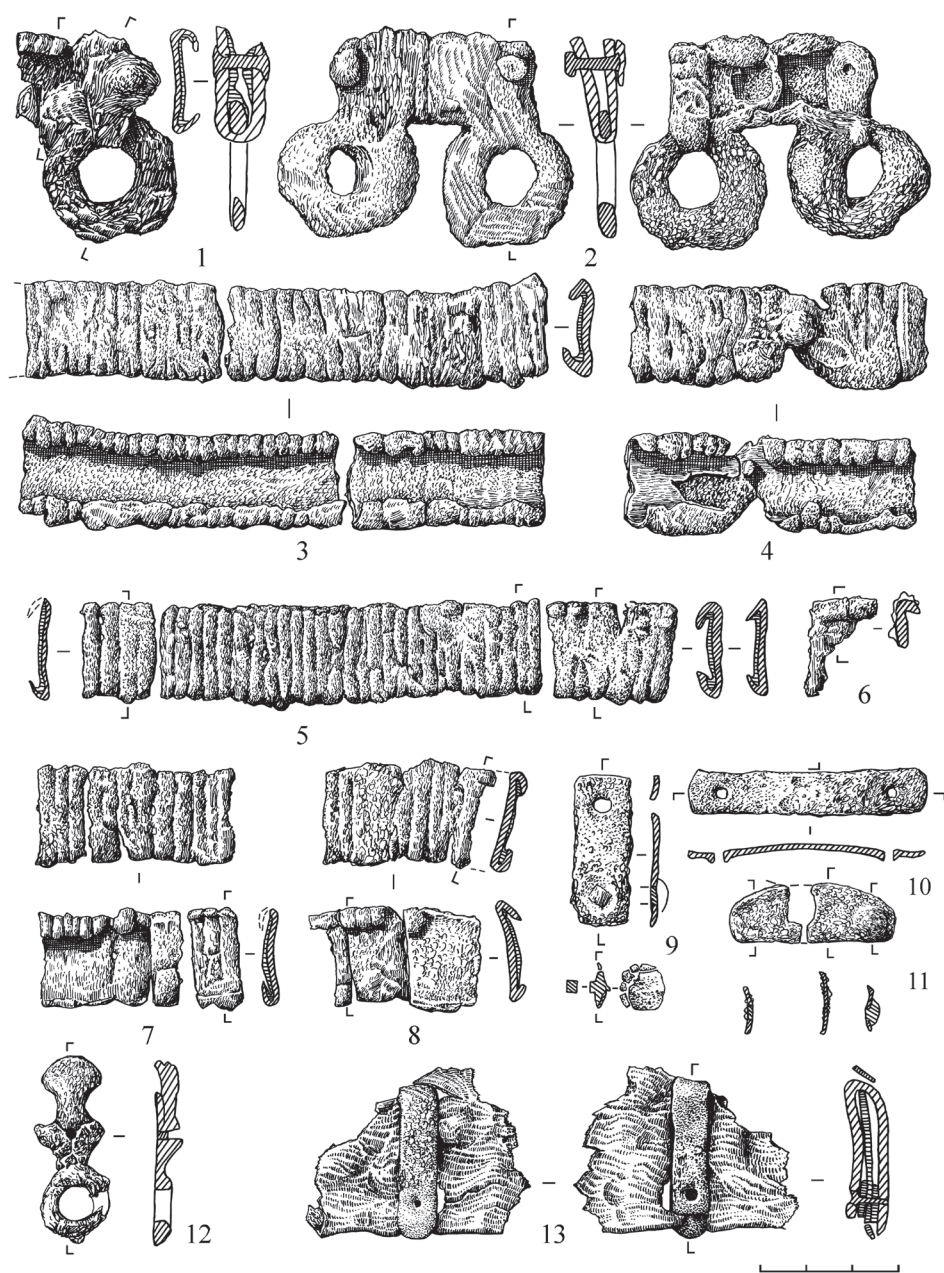

Рис. 2. Поясные бляхи из могильника Степушка-I: 1 — курган 17; 2-8 курган 19; 9-13 — курган 13

Одним из важнейших признаков при типологическом рассмотрении поясных блях выступает способ крепления к ремню. У населения булан-кобинской культуры доминировал накладной вариант фиксации с помощью металлических шпеньков, вставляемых в сквозные отверстия в корпусе и ремне (разряд I). На тыльной стороне ремня шпеньки расплющивались, а на лицевой части бляхи они держались за счет плоской или выпуклой шляпки. Пояса с железными бляхами-накладками, фиксирующиеся при помощи шпеньков, известны у хунну Монголии и Забайкалья не ранее рубежа эр. Данный способ крепления мог быть заимствован из конструкции железных пряжек с подвижным язычком. Шпеньки встречаются также на других ременных гарнитурах хунну, среди которых распределители ремней с подвижными лопастями-щитками от суголовий верхового коня, металлические бляхи от конского снаряжения, железные пряжки с неподвижным шпеньком (в том числе экземпляры, декорированные заклепками), поясные бляхи из дерева [11, табл. X.—1, 2, 10; XI.—13, 17; 14, рис. 4.—22; 8.—17, 22; 10.—14; 11.—5; 13.—5, 11, 12; 21, рис. 3.—8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16; 22, fig. 18.—4, 5, 6, 8, 9; 19.—8; 20.—1, 2, 3, 5, 6—11; 35.—3; 23, т. 209, 233, 235, 253, 257; 24, рис. 4.—16; 25, fig. 37; 26, т. 252—255]. Перечисленные предметы отражают новый этап развития хуннского снаряжения в период от рубежа эр до начала II в. н.э. Железные поясные бляхи рассматриваемой схемы крепления активно используют сяньби Юго-Восточного Забайкалья в конце I — начале III в. н.э. [19, рис. 96.—5, 100, 101, 102, 103]. Данные изделия встречаются в дуройских (III—IV вв. н.э.) и бурхотуйских памятниках (IV—VI вв. н.э.) степной Даурии [27, табл. XXV.—7, 11; XXVI.—1, 3; 28, рис. 81.—4, 18, 19, 20; 29, рис. 38.—7; 30]. В Туве железные бляхи разряда I известны в погребальном комплексе Аймырлыг-XXXI (не ранее II в. н.э.), но более многочисленны они в кокэльской культуре в III—V вв. н.э. [31, табл. XIII.—12, 22; 32, табл. XI.—13—24, 47; XII.—5—7, 9, 23—28; 33, рис. 3.—4, 12; 29; 34, рис. 4.—6, 7, 8, 10; 6.—7; 35, с. 44, 49, 50, 51, 53, 61, 65]. В Восточном Туркестане такая бляха происходит из комплекса Чаохугоу-3, который датируется периодом от династии Восточная Хань до династий Вэй — Цзинь (II—IV вв. н.э.) [36, рис. 2.—8]. Известна находка железной бляхи с шпеньковым креплением из северо-бактрийского могильника Ксиров, датировка которого предполагается в широких рамках с конца II в. до н.э. по I в. н.э. [37, рис. 5.—11]. На юге Западной Сибири железные бляхи-накладки имеют более молодой возраст. В Барнаульском Приобье они датируются с конца II—III в. н.э., в Новосибирском Приобье — концом IV в. н.э. Наиболее ранние экземпляры из памятников Томского Приобья относятся к V — первой половине VI в. н.э. [38, рис. 10.—4, 15, 16, 19; 13.—11; 17.—3—5; 55.—4; 39, рис. 1.—5, 6, 11, 13, 15, 16; 3.—1—5, 9, 10, 16—18; 40, с. 52—54; рис. 25.—

44—46; 26.—42, 61, 65, 66; 41, табл. XI.—4, 5]. В предгорьях Кузнецкого Алатау такие находки появляются не ранее III в. н.э. [41, табл. LXIII.—4, 6; LXVII.—1, 2].

На территории Алтая начальная дата появления железных блях со шпеньковым креплением запаздывает по отношению к хуннским экземплярам и может быть определена не ранее II в. н.э. Распространителями моды на данные изделия могла стать одна из групп северных сяньби. Пояса с железными бляхами-накладками описываемой конструкции существуют до второй половины V — начала VI в. н.э., не получив широкого применения в тюркской культуре.

Бляхи, выполненные из одной прямой или слегка согнутой пластины, без прорезей и колец впервые зафиксированы у хунну в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. [14, рис. 4.—22; 8.—17, 22; 10.—14; 21, рис. 3.—8; 23, т. 209, 233, 235, 253, 257; 25, fig. 37]. Наиболее многочисленные находки происходят из северо-сяньбийских памятников Юго-Восточного Забайкалья конца I—IV в. н.э. [19, рис. 96.—6; 97.—4, 7; 99.—1, 2, 5, 6, 7, 10; 100.—2, 3, 4; 101.—2—7; 103.—1—4; 30]. С сяньбийским наследием связано присутствие данных предметов в снаряжении племен бурхотуйской культуры [27, табл. XXV.—7, 11; XXVI.—3; 29, рис. 38.—7]. В Туве подобные бляхи-накладки встречаются сравнительно редко: в могильнике Аймырлыг-XXXI (I — начало III в. н.э.), а также в более поздних памятниках кокэльской культуры (III—V вв. н.э.) в комплексах Кокэль, Хара-Даг-Бажи, Усть-Хадынных-III, Кара-Тал-III, IV [32, табл. XII.—9; 34, рис. 4.—10; 35, с. 61, 65; 42, рис. 2.—11]. Территориально удаленные немногочисленные западные аналогии рассматриваемым изделиям имеются в ареале мазунинской культуры Среднего Прикамья конца III—V вв. н.э. [43, рис. 11.—19; 25.—2, 3; 30.—17]. Приведенные вещественные материалы демонстрируют факт предпочтительного распространения железных блях-накладок раздела I отдела I на землях Алтая под влиянием материальной культуры сяньби в период их максимального усиления в Центральной Азии во второй половине II — начале III в. н.э. Широкое использование железных поясных блях описываемой конструкции на Алтае прекращается с появлением памятников тюркской культуры, в рамках которой доминирующей становится традиция ношения поясов с бляхами из цветного металла иной конструкции. Тем не менее возможность «доживания» таких гарнитур в тюркской среде до второй половины V — начала VI в. н.э. демонстрирует факт обнаружения похожих изделий в ритуальной ограде № 104 могильника Кудыргэ [44, рис. V.—10].

Железные бляхи раздела I отдела I представлены типами 1, 2, 3, 4. Единичные находки зпрямоугольных блях малых пропорций (тип 1а) зафиксированы в Туве, в памятниках Аймырлыг-XXXI и Кокэль [32, табл. XII.—9]. На Алтае они обнаружены в могильниках Карбан-I, Улуг-Чолтух-1, Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Кок-Паш, Яломан-П [4, рис. 7.—38, 44; 13.—5, 6; 15.—19; 45, рис. 31, 39, 44]. Данный тип пояс-

ных блях представляет собой продукт местного развития ременных гарнитур населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э., имеющий в своей основе подражание сянбийским образцам среднего размера. Этот вывод может быть справедливым также в отношении трапециевидных (тип 3), существующих в широких рамках II–V вв. н.э. Аналогии бляхам типа 4 известны нам в неопубликованных материалах бурхотуйской культуры IV–VI вв. н.э. Восточного Забайкалья.

Железные вытянуто-прямоугольные бляхи малого размера (тип 2а) в Центральной Азии встречаются крайне редко. С полной уверенностью можно назвать несколько экземпляров из Тувы, найденных в некрополе Аймырлыг-XXXI (I — начало III в. н.э.)¹. Железные вытянуто-прямоугольные бляхи малых пропорций обнаружены в позднехуннском некрополе I в. н.э. Кия-13 в Юго-Восточном Забайкалье². С другой стороны, бляхи с таким абрисом средних и крупных размеров часто встречаются у сянбийского населения зоргольской (конец I — начало III в. н.э.) и дуройской (III–IV в. н.э.) археологических культур Приаргуны. Они также известны в поздних комплексах кокзельской культуры Тувы (конец IV–V вв. н.э.) из могильников Кара-Тал-III (курган 3) и Усть-Хадынных-III (курган 21, п. 1) [19, рис. 99.–1, 2, 5, 10; 103.–1–4; 40, с. 168–169; 34, рис. 4.–10]. На Алтае бляхи типа 2а обнаружены в могильниках Айрыдаш-1, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш, Дялян, Верх-Уймон, Яломан-II [4, рис. 12.–41, 42; 13.–7, 23; 15.–34; 45, рис. 31, 39; 46, рис. 76].

Мы вправе высказать предположение, что у кочевников Алтая поясные бляхи типа 2а получают широкое распространение с III в. н.э., хотя сами они появляются раньше. Верхний хронологический горизонт бытования данных блях в булан-кобинской культуре соответствует V в. н.э. Железные поясные бляхи-накладки разряда I с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса (отдел II а) впервые стали известны у хунну Забайкалья и Монголии, став популярными у них в конце I в. до н.э. — I в. н.э. [11, табл. XIII, — 1, 2, 4, 5, 6, 7; 14, рис. 13.–5; 16, рис. 8; 17, зураг 9.–1; 22, fig. 19.–8]. Функциональное назначение данных блях заключалось в том, что к ним подвешивались какие-то небольшие предметы.

Точные аналогии бляхам типа 5 представлены в Туве в погребении позднехуннского времени (вто-

рая половина I — начало II в. н.э.) могильника Бай-Даг-II. Самую раннюю позицию для возможной нижней даты типа 4 на территории Алтая демонстрирует конструктивно схожее изделие с овальным абрисом из булан-кобинского могильника Карбан-I, который относится ко II — началу III в. н.э. Железные бляхи-накладки с корпусом в виде пластины, сложенной пополам в полуобойму (раздел II), и подвижным кольцом на короткой стороне (отдел II б) являются одной из самых многочисленных модификаций ременных гарнитур кочевников Алтая, насчитывающей в нашей классификации 38 экз. Они предназначались для фиксации подвесных портупейных ремешков. Количество блях с кольцами на поясах, зафиксированных в могильнике Степушка-I, варьировало: три (курганы 5, 9, 21), четыре (курган 15), шесть (курган 6), семь (курган 19), тринадцать (курган 17). На уровне формы изделия представлены экземплярами прямоугольной (тип 6) и прямоугольно-овальной (тип 7) формы малых пропорций.

Прототипом блях с кольцами могли выступать пряжки с подвижным язычком и подвижным щитком, а также распределители уздечных ремней с лопасти-ми-полуобоймами, появившиеся у хунну Забайкалья и Монголии около рубежа эр. Правда, стоит заметить, что в памятниках хунну поясные бляхи рассматриваемой конструкции не обнаружены ни разу. В Центральной Азии наиболее ранние, но в сущности единичные находки железных поясных блях раздела II, отдела II б известны у сянби Юго-Восточного Забайкалья в погребениях конца I — начала III в. н.э. могильника Зоргол-1 [19, рис. 96.–5]. Позднее в этом регионе они встречаются в сянбийских захоронениях второй половины III–IV в. н.э. могильника Дурой-I, а также в погребениях бурхотуйской культуры в IV–VI вв. н.э. [28, рис. 81.–4, 18, 19, 20; 30, с. 168–169]. Если отступить от характера материала, то следует заметить, что пояса с бляхами раздела II, снабженными кольцами и подвесками иных форм, были в широком обиходе у разных групп поздних сянби и других кочевых племен Северного Китая в IV — третий четверти VI в. н.э., а также у когурёсских племен IV–VI вв. н.э. [47, fig. 1.–1; 3.–10; 4.–1–5; 6, 7; 48, рис. 4.–6, 1; 14.–1, 4; 49, с. 62; 50, р. 34; 51, с. 121]. На территории Тувы наиболее ранние (II в. н.э.) находки блях раздела II, отдела II б происходят из могильников Бай-Даг-II и Аймырлыг-XXXI. Однако широкое распространение в данном регионе они получают в кокзельской культуре III–V вв. н.э. [31, табл. XIII.–12, 22; 32, табл. XI.–13–24, 47; XII.–5–7, 23–28; 33, рис. 3.–4, 12; 34, рис. 4.–6–8; 6.–6]. В предгорьях Кузнецкого Алатау аналогичные бляхи известны в Усть-Абинском могильнике фоминской культуры, археологический возраст которого не ранее второй половины III в. н.э. [41, LXIII.–4, 6; LXVII.–1, 2]. На юге Западной Сибири поясные бляхи-накладки с подвижными кольцами часто встречаются в верхнеобской культуре в V–VI вв. н.э., демонстрируя

¹ Авторы благодарят Н.Н. Николаева, предоставившего возможность ознакомиться с частью археологической коллекции хуннско-сянбийского времени могильника Аймырлыг-XXXI, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

² Выражаем признательность Е.В. Ковычеву за работу с неопубликованными материалами могильника Кия-13. К сожалению, захоронения данного памятника были потревожены древними грабителями, в связи с чем нет полной уверенности, что все эти железные изделия являются деталями поясных наборов.

длительное сохранение местных поясов «дотюркского» облика в Новосибирском Приобье до VIII–IX вв. н.э. [38, рис. 10.–15, 16, 19; 13.–11; 17.–3, 4, 5; 55.–4; 39, рис. 1.–1–4, 11, 15; 40, с. 53–54, табл. 8].

Таким образом, на Алтае железные бляхи-накладки, имеющие корпус в виде пластины-полуобоймы с подвижным кольцом, появляются во II в. н.э. Они пока не найдены в памятниках тюрок кызыл-ташского этапа (вторая половина V — первая половина VI в.), что является свидетельством резкой смены традиций производства поясных гарнитур на Алтае во второй половине V в. н.э. Относительная хронология поясных блях типов 6, 7 в булан-кобинской культуре определяется нами в рамках II–V вв. н.э. с предпочтением периода активного использования в пределах с конца II — начала III в. н.э. до середины V в. н.э. Бляхи типов 6, 7 обнаружены при раскопках булан-кобинских памятников Карбан-I, Тыткескень-VI, Бике-I, Улита, Айрыдаш-I, Улуг-Чолтух-I, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Верх-Уймон, Кок-Паш, Дялян [4, рис. 6.–29–31; 7.–1, 3, 4, 5, 7, 11, 12, 17, 19, 32, 33; 8.–15, 25, 27; 11.–25–27; 12.–40; 13.–9, 11, 12, 13, 16, 53; 16.–33; 17.–5–8, 10, 12; 5, рис. 2.–2, 4; 45, рис. 44, 54, 61; 52, рис. 46.–4, 5; 53, рис. 4.–5].

Железные бляхи-зажимы (разряд II) представляют собой плоскую пластину-скобу с сильно загнутыми на тыльную поверхность короткими сторонами (раздел III) без дополнительных конструктивных деталей (отдел I) имеют вытянуто-прямоугольный корпус малого размера (тип 8). Их количество суммарно составляет 280 экз. Точные аналогии поясам с бляхами-скобами представлены в Юго-Восточном Забайкалье в поздне-сяньбийском могильнике Дурой-I второй половины III–IV в. н.э., а также в погребальных комплексах IV–VI вв. н.э. бурхотуйской культуры Улан-Хода, Дворцы-I и др. [27, табл. XXI.–24; 30, с. 168–169]³. Подобные изделия происходят из «запаздывающих» материалов верхнеобской культуры V — середины VI в. н.э. Темирязевского курганного могильника-I в Томском Приобье [38, рис. 10.–4; 11.–5; 13.–12]. Территориально отдаленные аналогии в бронзовом материале с рельефным корпусом известны в Прикамье в памятниках V в. н.э. [43, рис. 7.–24, рис. 73.–9]. Стоит отметить, что морфологически близкие бляхи из бронзы с корпусом меньшего размера применялись в конструкции браслетов «бурхотуйцами» Восточного Забайкалья (IV–VI вв. н.э.) и мохэ Среднего Амура (V в. н.э.), а также для украшения уздечных ремней ранними тюрками Алтая (вторая половина V — начало VI в. н.э.) и племенами дарасунской культуры Восточного Забайкалья (VI в. н.э.) [4, рис. 56.–5, 8; 23, табл. XXVII.–12; 54, табл. L].

³ Неопубликованные материалы бурхотуйской культуры, хранящиеся в лаборатории археологии Забайкалья при Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете (Чита), любезно показаны Е.В. Ковычевым.

Имеющиеся археологические источники демонстрируют факт предпочтительного появления блях типа 8 в ареале позднесяньбийской общности. У кочевников Алтая они появляются в IV в. н.э. и бытуют до V в. н.э. включительно. В булан-кобинской культуре нам известно еще восемь поясов с такой конструкцией блях из некрополей Кок-Паш, Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II. Полноценно эти материалы не публиковались.

Бронзовые бляхи (группа II) у населения Алтая в сяньбийское время встречаются редко. Они представлены единичными предметами, не связанными своим происхождением с бронзовыми поясными гарнитурами предшествующего хуннского периода. Данные изделия являются результатом самостоятельного генизиса или подражаниями железным поясным бляхам на уровне способа крепления, конструкции и формы корпуса. Все поясные бляхи из цветного металла, найденные в могильнике Степушка-I, были накладного способа фиксации (разряд I) преимущественно в виде прямой или слегка согнутой пластины без прорезей, колец и скоб (отдел I). Большинство анализируемых экземпляров имеют корпус в виде прямой или слегка согнутой пластины без прорезей, колец и скоб (отдел I). Нижняя дата таких блях на территории Алтая по соответствиям с железными экземплярами определяется не ранее II в. н.э. Бронзовые бляхи-накладки отдела I представлены типами 9, 10, 11. Прямоугольные бляхи малых пропорций (тип 9) не имеют себе подобных в известных нам археологических материалах II–V вв. н.э. из Южной Сибири и Центральной Азии. При хронологической атрибуции блях данного типа у кочевников Алтая мы можем опираться пока только на результаты их корреляции с датирующимися категориями инвентаря из кургана 13 могильника Степушка-I. Небольшие по размеру бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (тип 10) обнаруживают сходство с ремennыми гарнитурами из памятников разных регионов, среди которых когурёсские погребения Кореи IV–VI вв. н.э., курганы верхнеобской культуры в Томском Приобье конца IV — начала VI в. н.э., погребальные комплексы джетыасарской культуры Восточного Приаралья IV–V вв. н.э., кочевнические захоронения гуннского круга конца IV–V в. н.э. в степях Центрального Казахстана и Северного Причерноморья, погребения мазунинской культуры Среднего Прикамья второй половины III–V в. н.э. [38, рис. 42.–7, с. 27; рис. 49.–5, с. 29–30; 43, рис. 11.–18, 19, 21, 38; 23.–14, 15, 16, 17, 18; 24.–10; 25.–2; 28.–3; 30.–17; 47, fig 1.–1; 55, рис. 25; 56, рис. А.–9; Б.–6; Ж.–17, 18; 57, рис. 83.–16; 58, рис. 129.–9, 10, 14; 133.–1; 59, табл. 34.–7; 46.–5]. Похожие изделия встречаются в более раннее время (I–III вв. н.э.) у населения центрально-европейского «барбарикума» [60, рис. 2.–4]. Приведенные аналогии дают основания предположить, что поясные бляхи-накладки типа 9 на территории Алтая датируются второй четвертью I тыс. н.э., возможно, IV в. н.э. Важно обратить вни-

мание, что на поясе из Степушки-I данные бляхи крепились как в вертикальном, так и в горизонтальном положении, что подчеркивает его самобытную, местную, конструкцию. Вытянуто-овальная бляха с округлым вырезом (тип 11) не имеет себе точных аналогий. По своим морфологическим признакам она относится ко II–V вв. н.э. с большой вероятностью датировки в интервале III–IV вв. н.э. Бронзовые бляхи-накладки из прямой пластины с неподвижным кольцом на короткой стороне (отдел II а) представлены экземпляром секировидной формы (тип 12). Этот оригинальный предмет имеет сходство с поясными бляхами из комплекса кокзельской культуры Кожээлиг-Хову-58-V (погребение под задернованной западиной) в Западной Туве [61, рис. 35]. Стилистически они напоминают собой металлические бляхи-нашивки из памятников сянби II–III вв. н.э. во Внутренней Монголии [62, рис. 11–4]. Не исключено, что в булан-кобинской и кокзельской культурах данные бляхи являются поздними подражаниями сянбийским образцам и датируются не ранее середины, второй половины III в. н.э.

Бронзовые бляхи-накладки с корпусом из плоской пластины, сложенной в полуобойму (раздел II) без колец, прорезей и скоб (отдел I), включают единственный экземпляр вытянуто-прямоугольной формы малых пропорций (тип 13). Данный предмет был зафиксирован «in situ» с остатками кожаного ремня, благодаря чему удалось выяснить особенности его крепления. Бляха размещалась на поясе в вертикальном положении. Для этого около верхнего края ремня имела небольшая горизонтальная прорезь, куда пропущена согнутая пластина, фиксирующаяся в нижней части с помощью вставного шпенька. Бляхи-накладки типа 13 в типологическом отношении обнаруживают близость с ременными наконечниками, широко представленными у поздних сарматов (вторая половина II — первая половина III в. н.э.), у племен Среднего Прикамья (с рубежа III–IV вв. н.э.) и реже встречающихся у населения Верхнего Приобья (не ранее II в. н.э.), у «кокзельцев» Тувы (не ранее III в. н.э.), кочевых народов Северного Китая (конец IV — первая треть VI в. н.э.), у когурё в Корее (IV–V вв. н.э.) [42, рис. 3–3; 43, рис. 29, 13; 32, 1, 34, 17; 35, 20; 36, 19; 67, 24; 47, fig. 5–2–5, 10; 48, с. 62; 63, табл. XXIV, 10; 64,

с. 210; 65, с. 57]. Единственный экземпляр такого наконечника на Алтае обнаружен в кургане 227 могильника Балыктыюль, датирующегося первой половиной III в. н.э., ближе к середине столетия [66, рис. 5–15]. Опираясь на эти сопоставления, нижнюю дату данных блях в рамках булан-кобинской культуры можно определить не ранее III в. н.э. Вопрос о верхнем хронологическом рубеже бытования подобных изделий в булан-кобинской культуре остается пока открытым. Стоит заметить, что в памятниках тюрок Алтая второй половины V–XI в. они не найдены.

Проведенное классификационное и типологическое исследование поясных блях из курганного могильника Степушка-I позволяет сделать следующие выводы. Железные бляхи-накладки в виде прямой пластины или пластины-полуобоймы с подвижным кольцом распространяются на Алтае во II в. н.э. под влиянием материальной культуры сянби. Рассмотренным изделиям найдено значительное количество аналогий в Восточном Забайкалье (зоргольская, дуройская, бурхотуйская культуры) и Туве (поздние улуг-хемские и кокзельские памятники). Использование таких блях на Алтае прекращается с появлением ранних комплексов тюркской культуры (вторая половина V — первая половина VI в. н.э.), в рамках которой доминирующей становится традиция ношения поясов с бляхами из цветного металла иной конструкции. Железные бляхи-зажимы с корпусом в виде «скобы» обнаруживают точные аналогии в позднесянбийских и бурхотуйских памятниках Восточного Забайкалья, что позволяет рассматривать их в качестве хроноиндикатора при выделении памятников булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. Поясные бляхи из цветного металла представлены единичными модификациями, не связанными своим происхождением с бронзовыми гарнитурами хуннского времени. Они являются результатом самостоятельного генезиса или подражаниями железным экземплярам, что определяет их датировку в рамках II–V вв. н.э., с наибольшим предпочтением III–IV вв. н.э. Стоит понимать, что для уточнения времени бытования выделенных типов необходимо учитывать контекст их нахождения с другими датированными категориями инвентаря во всех закрытых комплексах булан-кобинской культуры.

Библиографический список

1. Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис.... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1990.
2. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. — Новосибирск, 1990.
3. Васютин А. С. Защитно-портупейные пояса предкудыргинского времени Восточного Алтая // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. — Омск, 2000.
4. Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). — Новосибирск, 2003.

5. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск, 2004. — Т. X. — Ч. I.
6. Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Тишкин А. А., Матренин С. С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. — Барнаул, 2011. — Вып. 7.
7. Тишкин А. А., Матренин С. С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и сяньбийского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4/2 (68).
8. Матренин С. С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. — V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. — 2011. — № 4/2 (72).
9. Матренин С. С. Наконечники ремней кочевников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. — V в. н.э.) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. — 2012. — № 4/1 (76).
10. Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. — Улан-Батор, 2012.
11. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.
12. Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). — Улан-Удэ, 2008.
13. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. — Т. 2: Иволгинский могильник. — СПб., 1996 (Археологические памятники сунну. Вып. 2).
14. Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. — № 9. — СПб., 2002.
15. Баранов А. А. Боевые пояса из могильника хуннского времени Кия-13 // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. — Омск, 2002.
16. Миллер Б. К., Оллард Ф., Эрдэнэбатор Д., Ли К. Погребальный комплекс сунну: раскопки могильника Гол Мод-2 (Монголия, 2002–2005 гг.) // Археологические вести. — М., 2008. — Вып. 15.
17. Амартувшин Ч., Хатанбаатар П. Хурэн хондын хунну булшны судалгаа // Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 2008. — Боть VI (XXVI).
18. Ероел-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Умард Хуннугийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа // Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 2008. — Боть VI (XXVI).
19. Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис.... канд. ист. наук. — Чита, 2005.
20. Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин Краткое сообщение о раскопках части сяньбэйского могильника в уезде Юйшу провинции Гирин // Вэнью. — 1985. — № 2.
21. Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. — Иркутск, 2006. — Вып. 4.
22. Hunnu Tombs at Hudgin Tolgoi in Mongolia. — Ulan-Bator; Seul, 2003.
23. Тербат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хурлийн уеэс моголын уе). — Улаанбаатар, 2003.
24. Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985.
25. Erdelyi I Archaeological expeditions in Mongolia. — Budapest, 2000.
26. Ереел-Эрдэнэ Ч. Год Модны 20-р булшнаас олдсон «бэлгэт-гереес» — ийн дурсг хеемел менген зэмсэг // Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 2007. — Боть IV (XXIV).
27. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). — Новосибирск, 1984.
28. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. — Новосибирск, 2000.
29. Литвинцев А. Ю. Погребения эпохи средневековья разновременного могильника в пади Кангил // Записки Нерчинского краеведческого музея. — Нерчинск, 2006. — Вып. 2.
30. Зюзин А. В. Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. — Барнаул, 2008.
31. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — М. ; Л., 1966. — Т. II.
32. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — Т. III : Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль — Л., 1970.
33. Николаев Н. Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. — СПб., 2000.
34. Панкова С. В. Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. — 2003. — № 11.
35. Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. — СПб., 2010.
36. Комиссаров С. А., Поздняков Д. В. Антропологические и культурные характеристики могильника Чаохугоу-3 (Чаоху-3), Восточный Туркестан (Синьцзян) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004.

37. Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. — Вып. 35. — СПб., 2001.
38. Беликова О. Б. Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. — Томск, 1983.
39. Троицкая Т. Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири. — Барнаул, 1996.
40. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1998.
41. Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). — Новокузнецк, 2003.
42. Данченко Г. П., Нестеров С. П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской котловины (сравнительный анализ) // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. — Новосибирск, 1989.
43. Останина Т. Н. Население Среднего Прикамья в III–V вв. — Ижевск, 1997.
44. Илюшин А. М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. — Новосибирск, 2000.
45. Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. — Горно-Алтайск, 1992.
46. Тетерин Ю. В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1995.
47. Zhang Xue-Yan Types and Relative Questions of Koguryo Iron Belt Decorations // Research of China's Frontier Archaeology. — Pecin, 2004.
48. Чжан Данылин и др. Родовое кладбище эпохи северной династии Суй на улице Хучаньцин в Сиане // Вэньу. — 2005. — № 10.
49. Гао Фэн Северо-вэйские погребения на шоссе в городе Датун провинции Шанси II Вэньу. — 2006. — № 10.
50. Xi'an Municipal Institute of Archaeology and Preservation of Cultural Relics Tomb of Kang Ye the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi // Wenwu. — 2008. — № 6.
51. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. — Новосибирск, 2005.
52. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. — Новосибирск, 1990.
53. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуні // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992.
54. Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. — Новосибирск, 1975.
55. Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. — Т. 7: Археология. — Алма-Ата, 1959.
56. Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. — Вып. 158. — М., 1979.
57. Левина Л. М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-Асар, Кос-Асар и Томпак-Асар // Низовья Сырдарьи в древности. — Вып. III. Джетыясарская культура. — Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. — М., 1993.
58. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. — М., 1996.
59. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.). — СПб., 1994.
60. Малашев В. Ю. Археологические памятники южнорусских степей второй половины II–IV вв. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. — 2007. — № 3.
61. Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. — М.; Л., 1960.
62. Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. — Пекин, 2004.
63. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979.
64. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону, 2000.
65. Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. — М., 2008.
66. Сорокин С. С. Погребения эпохи «великого переселения народов» в районе Пазырыка // АСГЭ. — Вып. 18. — Л., 1977.